

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ван И., Фищева А.А. — Традиционная культура народов Узбекистана по материалам экспедиций советских этнографов в 1980-е гг // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 12. – С. 75 - 83. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.12.69251 EDN: FBGLYT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69251

Традиционная культура народов Узбекистана по материалам экспедиций советских этнографов в 1980-е гг

Ван Ицзинь

аспирант, Высшая школа общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

✉ d.wang@vip.163.com

Фищева Анастасия Александровна

кандидат исторических наук

доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт
управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации

199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний проспект, 57/43

✉ ana-f@yandex.ru

[Статья из рубрики "История этносов, народов, наций"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.12.69251

EDN:

FBGLYT

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2023

Дата публикации:

24-12-2023

Аннотация: Для музеев всегда остаются актуальными вопросы сохранения объектов историко-культурного наследия, а также их дальнейшего изучения и презентации. Предметом исследования данной статьи являются отчетные материалы, составленные

этнографами Государственного музея этнографии народов СССР, участвовавших в 1980-е гг. в экспедициях в Республику Узбекистан. Участники экспедиций ставили перед собой цель не только собрать информацию или вывезти экспонаты, представляющие ценность с точки зрения изучения истории культуры конкретного региона, но и исследовать трансформацию национального самосознания, ставшей следствием языковой, культурной и хозяйственной интеграции народов, населявших Узбекистан. В результате многолетней экспедиционной деятельности фонды Российского этнографического музея пополнились ценными и уникальными предметами. В статье уделено внимание вещественным, иллюстративным, отчетным материалам, рассказывающим о традициях и новациях в материальной культуре современного Узбекистана, а также о межэтнических взаимоотношениях. Методологическую основу исследования составляет комплексный диалектический метод познания, который базируется на принципах историзма, научной объективности и системности, также использовались общенаучные и исторические методы. При написании статьи авторы придерживались методологических принципов исторической антропологии в центре внимания которой находится эволюция и разнообразие обществ и общественных отношений. Научная новизна заключается в том, что на основе изучения впервые вводимых в научный оборот источников авторы пришли к выводу о том, что экспедиции не только способствовали сохранению материальной культуры исследуемого региона, но и зафиксировали сложности в межэтнических отношениях задолго до того, как они стали частью официального дискурса национальной политики в СССР. Национально-территориальное размежевание, осуществленное советской властью на территории Средней Азии в 1924 г., проходило по большей части не в соответствии с этнической принадлежностью, проживавших на территории народов, а по идеологическим и экономическим параметрам. В связи с этим столь значительное мероприятие, независимо от своего общего эффекта, создало предпосылки для межэтнических проблем, которые обозначались в отчетных материалах участников экспедиций.

Ключевые слова:

этнография, Узбекистан, Российский этнографический музей, экспедиция, материальная культура, национальная политика, межэтнические отношения, история СССР, полевые исследования, историческая антропология

Формирование коллекций любого крупного музея страны связано с экспедиционной деятельностью, ставящей целью собрать информацию, обнаружить, зафиксировать на месте или вывезти экспонаты, представляющие ценность с точки зрения изучения истории культуры конкретного региона.

Нами были изучены отчеты этнографических экспедиций, в которых принимали участие сотрудники Этнографического музея (Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ народов СССР)) в 1980-е гг. Стоит отметить, что данный музей всегда был не только выставочным комплексом, но и научным учреждением, поэтому в экспедиции ученые отправлялись как за сбором экспонатов для пополнения фондов музея, так и для изучения населения и народного творчества конкретного региона.

В начале 1980-х гг. в преддверии 60-летия основания СССР в рамках концепции образования и развития новой исторической общности – советского народа – провозглашалось, что в стране решена одна из сложнейших проблем общественного развития – национальный вопрос, а в прошлое ушли межнациональный антагонизм и

вековая рознь между народами, возникло великое братство людей труда, чувство семьи единой, сложилась нерушимая ленинская дружба народов [\[1\]](#), появилось общенародное государство [\[2, 3\]](#). Однако на практике советские этнографы по-прежнему воспринимали среднеазиатские республики (Узбекскую, Таджикскую, Туркменскую, Киргизскую ССР) как особый мир [\[4\]](#).

Как отметила Ф. Хирш, в Советском Союзе, как и в других государствах эпохи модерна, использовались так называемые «культурные технологии управления» (термин Н. Диркса) для того, чтобы модернизировать и трансформировать все области и народы бывшей Российской империи и включить их в единую советскую общность. Среди этих культурных технологий управления ключевая роль принадлежала переписи, картографированию и музею, благодаря которым этнографы и другие эксперты соприкасались с ситуацией на местах [\[5, с. 32\]](#).

В ходе этнографической экспедиции или полевого исследования этнограф вступает в прямое взаимодействие, общение с изучаемой культурой, сообществом и отдельными его представителями. Нередко этнографу приходится беседовать с местными жителями, фотографировать, описывать те или иные явления, обмерять и зарисовывать всевозможные предметы и т. п. В ходе экспедиций применяются следующие методы сбора этнографического материала: непосредственное наблюдение, интервьюирование (опрос по вопроснику, углубленное интервью, анкетирование), выявление и фиксация вещественных источников, обнаружение и обработка документальных материалов. Методика этнографических исследований описана в многочисленных работах советских и российских ученых [\[6; 7; 8; 9\]](#)

Основным заданием этнографических экспедиций, проводившихся в Узбекистане, являлся сбор экспонатов, иллюстративных материалов, рассказывающих о традициях и новациях в материальной культуре изучаемого региона.

Так, в 1984 г. состоялась командировка старшего научного сотрудника М.Д. Перлиной и заведующего отделом этнографии народов Средней Азии ГМЭ народов СССР Б.З. Гамбурга в Узбекскую ССР для изучения продукции предприятий художественной промышленности Министерства местной промышленности Республики и мастеров, входивших в объединение «Усто» Худфонда Узбекской ССР. В ходе командировки были зафиксированы некоторые принципиально новые направления в деятельности этих организаций, например, что при Ташкентском межобластном объединении «Усто» работала мастерская лаковой миниатюры. Были приобретены первые в ГМЭ образцы современной на тот момент лаковой миниатюры [\[10, л. 1\]](#). Отмечалось, что в Ташкенте успешно трудились мастера традиционных видов народного творчества. Ручная художественная набойка по ткани сохранила преемственность технологий и поколений мастеров. Однако наблюдалась также и ситуация, когда потомки многих ремесленников получали образование по другой специальности [\[10, л. 2\]](#). Исследователи изучали также и другие виды народного творчества – чеканку, гравировку меди, изготовление изделий с художественной вышивкой [\[10, л. 4\]](#).

Нередко наряду со сбором экспонатов в задачи экспедиций входило изучение этногенеза того или иного народа, а также межнациональных и межэтнических отношений, складывающихся в регионе.

Так, в 1988 г. состоялась Среднеазиатская этнографическая экспедиция, проводившаяся по инициативе Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, в которой

приняли участие сотрудники Этнографического музея. Предгорный отряд указанной экспедиции с мая по август 1988 г. проводил исследования в Узбекской ССР и Таджикской ССР. В рамках экспедиции наряду с изучением ковроделия у кочевых узбеков Самаркандской и Кашкадарьинской областей УзССР было запланировано изучение населения малых городов Узбекистана.

Этнографов особенно интересовал район Зааминского оазиса, население которого состояло из узбекоязычного оседлого населения, полукочевых узбекских племен, а также тюрков, относящихся в группе так называемых бешбулакских тюрков [\[11, л. 1\]](#).

Исследователей интересовали вопросы происхождения бешбулакских тюрков, и по результатам опроса информаторов было установлено, что бешбулакские тюрки якобы происходят от некоего выходца из Стамбула по имени Ахмат, потомки которого были основателями теперешних родов (чуулак, чрвой, меливой, ташпулат) [\[11, л. 2\]](#).

Также экспедиция проходила на территории Джиргатальского района Таджикской ССР, заселенного таджиками (30% населения) и киргизами (70% населения). Исследователи констатировали, что длительное совместное проживание киргизов и таджиков на одной территории привело к тому, что вследствие большого количества смешанных браков двуязычие стало обычным явлением и утвердилось на уровне внутрисемейных отношений [\[11, л. 3\]](#). Совместное проживание киргизов и таджиков в одних кишлаках, смешанные браки вели к унификации хозяйственного уклада населения района.

Кроме того, во время экспедиции были записаны свидетельства очевидцев и участников событий 1930-1950-х гг., когда происходили массовые миграции населения из района: бегство в Кашгар во время коллективизации в начале 1930-х гг., в Ферганскую и Алайскую долины в трудные военные и послевоенные годы и принудительные переселения горцев в хлопкосеющие районы Южного Таджикистана в начале 1950-х гг. [\[11, л. 4\]](#). Эти события сыграли большую роль в изменении демографической ситуации в разные годы и динамике международных консолидационных процессов.

Изучение Джиргатальского района представляло интерес, так как он выступал как образец этноконтактной зоны различных по языку, культуре и происхождению народов. Исследователи изучали трансформацию национального самосознания, которая происходила в результате языковой, культурной и хозяйственной интеграции. Кроме того, район располагался в высокогорье, что позволяло также изучить организацию хозяйственной жизни с точки зрения приспособления человека к экстремальным природным условиям [\[11, л. 5\]](#). В ходе экспедиции была собрана коллекция этнографических предметов (ковры, комплект женской одежды и украшений, детали интерьера жилища).

Фактически одновременно с этой (в июне-июле 1988 г.) проходила экспедиция в Бухарскую и Хорезмскую области Узбекской ССР продолжительностью в 40 дней.

Отметим, что к моменту завершения Гражданской войны на территории Средней Азии существовали Туркестанская АССР (в составе Российской Федерации), Хорезмская и Бухарская Народные республики. При образовании СССР Бухарская и Хорезмская народные советские республики не вошли в состав СССР, так как были несоциалистическими. В 1924 г. в результате национально-территориального размежевания Бухарская и Хорезмская Народные республики стали частью Узбекистана. Большевики, осознавая неравнозначность экономических потенциалов создаваемых национальных республик, старались в некоторых случаях нивелировать эту разницу. При

размежевании советская власть руководствовалась не только национальным принципом, но и экономической целесообразностью [\[12, с. 26\]](#). Это сказалось на том, что в процессе размежевания не все границы были проведены точно в соответствии с национальным составом территорий. В итоге значительное число лиц той или иной национальности оказалось за пределами своего титульного государства (например, таджики, составлявшие до 90% населения Бухары и Самарканда, остались в Узбекской ССР). В ряде случаев произошли резкие изменения в традиционной хозяйственной деятельности народа (например, за кочевыми киргизами были закреплены территории постоянных кочевий, а места их крупных оседлых поселений перешли к узбекам и таджикам). Размежевание заложило основы серьезных конфликтов между различными народами из-за спорных территорий (особенно со стороны Таджикистана и Узбекистана), поэтому вопрос сожительства представителей разных народов находился в сфере интересов этнографов [\[13, с. 32\]](#).

Проведение работ в отдельных районах Бухарской и Хорезмской областей определялось стремлением сопоставить различные по истории и культурным традициям группы населения.

Целью экспедиции было познакомиться с современным состоянием культуры в этих областях, проследить изменения, произошедшие здесь со времен предшествующих экспедиций, пополнить собрание музея памятниками материальной культуры. Особое внимание уделялось изучению традиционных промыслов и ремесел, их истории и современному развитию. Проводился целенаправленный сбор материалов по теме «Одежда», включавший в себя широкий круг вопросов, касающихся тканей, способов производства, манеры ношения костюма и т.д. [\[14, л. 1\]](#).

Основное население центральной части Бухары на тот момент составляли таджики, а также иранцы и евреи. Узбеки населяли главным образом окраины города, кварталы новостроек, которые значительно разрослись и представляли собой практически новый город, отличный от старого и по этническому составу населения (кроме узбеков там жили русские, татары и др.), и по культурным традициям.

Основным языком большинства жителей города был таджикский. На нем говорили в семье, на улице, хотя все преподавание в школах и вузах велось на узбекском языке. Эта проблема негативно влияла на развитие национальных отношений не только в Бухаре, но и в других городах Узбекистана с преобладающим по численности таджикским населением (например, Самарканд). Поэтому 1980-е гг. ознаменовались выступлениями с требованиями создать таджикские школы, издавать газеты и организовать теле- и радиовещания на таджикском языке. Участники экспедиции отмечали, что необходимость скорейшего решения этого вопроса постоянно ощущалась в беседах с самыми различными слоями населения [\[14, л. 2\]](#).

Исследователи зафиксировали, что в 1980-е гг. наблюдался повышенный интерес народов Узбекистана к своей истории, традиционной культуре. Создавались нелегальные кружки по изучению арабского языка и чтению старинных арабских книг. Ученые в отчетах сообщали, что им часто приходилось сталкиваться с мнением о пагубном влиянии славянской письменности, введенной в советское время, на историческую память людей, так как чтение книг на арабском языке, где записывались предания народа, его обычаи, традиции, нормы поведения стало невозможно. Поэтому нравственные законы, столь незыблемо руководившие обществом в прошлом, постепенно стали забываться [\[14, л. 2\]](#). Этим объяснялись многие социальные пороки.

Такие настроения, характерные не только для пожилых людей, но и для большей части молодежи, иногда принимали «патологические» (*так в источнике – авт.*) формы, как, например, уход в религию, но чаще всего выражались в стремлении глубже узнать историю, возродить забытые традиции, ремесла и промыслы, сохранить памятники культуры, красоту и неповторимость восточной архитектуры. Например, появилась группа молодых архитекторов, которая возглавила движение за возрождение градостроительных традиций Бухары [\[14, л. 2\]](#). Отмечалось, что градостроительные традиции даже в старой части города, в основном были нарушены. Это нашло свое выражение в отступлении от традиционной планировки домов и дворов, в покрытии улиц асфальтом, аккумулирующим тепло, в высыхании и уничтожении прудов, в разрушении старой канализационной системы. В итоге кварталы новостроек Бухары не отличались от новостроек любого города средней полосы России, так как возводились без учета местной экологической и культурной специфики [\[14, л. 4\]](#).

Во время работы в Хорезмской области наибольшее внимание уделялось изучению истории одежды и тканям. Отмечалось, что некоторые народные промыслы совсем прекратили свое существование (кожевенное, ткацкое, набоечное), другие сохранялись лишь благодаря деятельности немногочисленных мастеров [\[14, л. 14\]](#)

В июле-августе 1988 г. в рамках Среднеазиатской экспедиции была организована поездка этнографов в г. Самарканд Узбекской ССР. Кроме задачи по сбору вещевого материала по этнографии таджиков г. Самарканда, необходимо было собрать материалы по проблемам узбекско-таджикских межнациональных и межъязыковых отношений. Проблемы в отношениях между двумя народами наблюдались на протяжении многих десятилетий, так как в процессе национально-территориального размежевания Бухара и Самарканд, где в основном проживали таджики, были переданы Узбекской ССР.

В ходе анкетирования населения Самарканда исследователи пришли к выводу о том, что на протяжении довольно длительного времени происходила «узбекизация» неузбекского населения города: таджиков, иранцев, туркмен, сартов. Ассимиляция проходила на административном уровне, не затрагивая ни один из формообразующих элементов таджикского этноса (самосознание, язык и пр.), вызывая напряженность в городе и явные похолодания узбекско-таджикских отношений. При этом участник экспедиции Е.Л. Кубель отмечала, что пока к таджикскому населению в городе Самарканде будут относиться как к национальному меньшинству, напряженность не исчезнет [\[15, л. 12\]](#).

В своем отчете исследователь привела статистические данные, согласно которым таджики не являлись национальным меньшинством Самарканда. По итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. в г. Самарканде проживало 224718 узбеков и 64780 таджиков. Но при этом 52232 узбеков своим родным языком считали таджикский [\[15, л. 10\]](#).

Самые болезненные вопросы были связаны с системой образования. В Самарканде к 1980 г. не осталось ни одной таджикской школы. И только кое-где сохранились таджикские классы. В школах педагоги-таджики обучали таджикских детей преимущественно на узбекском и русском языках. Во время уроков учителя трудные вопросы объясняли на таджикском языке. Это касалось также уроков русского и иностранного языков. На объяснение учебного материала тратилось в несколько раз больше времени, а качество преподавания из-за языковой путаницы оставляло желать лучшего.

Так как детям трудно было учиться не на родном языке, то уровень знания родного языка падал. Родной язык не изучался в литературной форме и оставался языком бытового и домашнего общения. Этим объяснялось плохое знание персидско-таджикской классики. Наблюдалось постепенное угасание многовековой культурной традиции [\[15, л. 13\]](#).

Проблема еще заключалась в том, что родители вынуждены были отдавать своих детей в узбекские классы, так как в вузах Самарканда обучение велось на узбекском и русском языках. Хотя в 1988 г. в двух институтах – медицинском и педагогическом – впервые у выпускников таджикских классов приемные экзамены принимали на родном языке, что существенно оздоровило атмосферу в городе [\[15, л. 14\]](#).

Наряду с изучением национальных проблем была также собрана коллекция по этнографии таджиков г. Самарканда (предметы утвари, набор вышивок и др.) [\[15, л. 15\]](#).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что этнографов интересовали разные вопросы по изучению состава населения и истории культуры народов, проживавших на территории Узбекистана. Ученые зафиксировали сложности в межэтнических отношениях задолго до того, как они стали частью официального дискурса национальной политики в СССР.

Библиография

1. Баграмов Э.А. Есть в СССР ли национальный вопрос? М.: Знание, 1982. 19 с.
2. Агзамходжаев А. СССР – социалистическое общенародное государство. Ташкент: Узбекистан, 1978. 75 с.
3. Берхин И.Б. История СССР: советский период: учебное пособие. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 703 с.
4. Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
5. Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза: пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.
6. Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. 1977. № 1. С. 3-18.
7. Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Издательство МГУ, 1966. 108 с.
8. Жлоба С. П., Чернякевич И. С. Полевая этнография (Теория и практика полевых этнографических исследований): пособие для студентов исторических факультетов. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2007. 227 с.
9. Пименов В.В., Филиппов В.Р. Массовые этнологические обследования: методы и техника. М.: Полиграфсервис, 1995. 250 с.
10. Научный архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2116.
11. Научный архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2254.
12. Бочкарева И.Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 2. С. 22-26.
13. Князькова М.В., Сударикова А.М. Историческое значение национально-территориального размежевания Туркестана и образования автономных республик в Средней Азии // Сборник статей кафедры международных отношений, медиалогии,

политологии и истории. 2020. СПб.: СПбГЭУ. С. 21-34.

14. Научный архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2253.

15. Научный архив РЭМ. Ф. 2. Оп.1. Д. 2256.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда во второй половине 1980-х гг. в СССР началась Перестройка, метко названная позднее А.А. Зиновьевым «Катастройкой», вряд ли кто мог предположить, какими последствиями она обернется: это не только глубокий социально-экономический кризис, но и общественно-политическая буря, которая привела к распаду государства, объединявшего 1/6 часть суши. Примечательно, что показала свою несостоятельность и идея исторической общности советского народа, что наглядно показали межнациональные противоречия конца 1980-х – начала 1990-х гг. Но несмотря на это, Советский Союз безусловно представлял серьезные возможности для духовного развития населяющего его народов, в связи чем представляется любопытным рассмотреть традиционную культуру народов 1/6 части суши на закате существования СССР.

Указанные обстоятельства определяют актуальность, представленной на рецензирование статьи, предметом которой является традиционная культура народов Узбекской ССР в 1980-е гг. Автор ставит своими задачами раскрыть специфику этнографических экспедиций, рассмотреть экспедиции советских этнографов в 1980-е гг. в Узбекистан, а также проанализировать собранные ими материалы.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать традиционную культуру народов Узбекистана по материалам экспедиций советских этнографов в 1980-е гг. Научная новизна заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 15 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена, прежде всего, документами из фондов Российского этнографического музея. Из привлекаемых исследований укажем на труды А. Агзамходжаева и Э.А. Баграмова, в центре внимания которых национальный вопрос в СССР, а также работы С.Н. Абашина, М.В. Князьковой и А.М. Судариковой, рассматривающих национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как народами Средней Азии в советский период, в целом, так и традиционной культурой народов Узбекистана, в частности. Аппеляция к оппонентам

представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в 1980-е гг. несмотря на заявления о сложившейся общности советский народ, «советские этнографы по-прежнему воспринимали среднеазиатские республики (Узбекскую, Таджикскую, Туркменскую, Киргизскую ССР) как особый мир». Автор обращает внимание, что в ходе экспедиций советские этнографы зафиксировали, что «в 1980-е гг. наблюдался повышенный интерес народов Узбекистана к своей истории, традиционной культуре». При этом в Самарканде на протяжении довольно длительного времени происходила «узбекизация» неузбекского населения города: в частности, «в школах педагоги-таджики обучали таджикских детей преимущественно на узбекском и русском языках». Вызывает интерес приводимое автором мнение участницы одной из этнографической экспедиции Е.Л. Кубель: «пока к таджикскому населению в городе Самарканде будут относиться как к национальному меньшинству, напряженность не исчезнет».

Главным выводом статьи является то, что советские этнографы «зафиксировали сложности в межэтнических отношениях задолго до того, как они стали частью официального дискурса национальной политики в СССР».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории советского периода, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».